

Цена 15 коп.

КРОКОДИЛ

ВОСЬМОЙ ГОД
НОМЕР 26
И Ю Л Ь 1929
МОСКВА

Рис. Ю. Ганфа

ВОЛОКИТА В АНГЛИИ

— Ну, Мак, — как с отношениями с СССР?
— Пожалуйста, не волнуйтесь! В отношении отношений пишется отношение!

— Сырьем этот завод хорошо обеспечен... Невредно бы повысить качество продукции.

ИСКУШЕНИЕ

КОНТРОЛЬНЫЙ врач, внимательно осмотрев Ивана Матвеевича, сказал:

— Собственно говоря, товарищ, у вас все в порядке. Есть, может быть, маленькое расширение сердца, — ну, да у кого ж из нас этого нет?.. Ведь и годы ваши такие... Курите поменьше, — вот все, что я могу вам посоветовать.

Иван Матвеевич, ответственный хозработник крупного масштаба, сразу осунулся. Лицо его побледнело.

— Вот что, доктор... — пробормотал он, застегивая дрожащими пальцами брюки, — вот что, товарищ доктор... Простите за вопрос... Извиняюсь, но... Вы — наш человек, советский?..

— Я — член партии, — ответил доктор. — А что?

— В таком случае я вас очень прошу... Я обращаюсь к вам, как партиец к партийцу: признайте меня больным и безотлагательно нуждающимся в длительном отпуске! Это необходимо, товарищ!.. В этом не я лично заинтересован, — это нужно в интересах партии, в интересах революции, в интересах пролетариата, товарищ доктор!..

Врач удивленно пожал плечами:

— Я вас не понимаю, товарищ!.. В чем дело? Может быть, вы сообразовалите объяснить?..

— Я объясню, — кротко сказал Иван Матвеевич. — Я не дезертир труда, не растратчик, не симулянт, но... Вам известно, что сейчас у нас всюду развертывается социалистическое соревнование?

— Ну, известно. Но в какой же связи...

— Подождите, — сказал Иван Матвеевич. — Соревнование. Развертывается. Энтузиазм рабочих масс и все такое. Дело неизмеримого значения, товарищ доктор... И вот... Ну, как бы вам сказать?.. У, могу погубить социалистическое соревнование!.. Не все и не везде, но в том масштабе, в котором я сам работаю. Могу погубить, доктор, и... и чувствую, что не удержу — погублю!..

Врач вытаращил глаза, протер очки и растерянно произнес:

— Ничего не понимаю, това... гражданин!.. Да кто же вы такой: экономический контрреволюционер?.. Вредитель?..

— Э, что там вредители!.. — презрительно махнул рукою Иван Матвеевич. — Разве вредитель может так, как я? Вредитель — он нагадит в одном месте, и сейчас же будет изловлен, разоблачен, и сейчас поднимется еще большая волна энтузиазма! А со мною не так. Меня не изловишь. Я погублю, так уж погублю, — и никакие волны тут не помогут!..

— Но... зачем же? — оторопел врач. — Ведь вы же — член партии, коммунист?!

Иван Матвеевич сказал:

— Да. Но в то же время я — должностное лицо, старый учрежденский служащий... И вот, чувствую я, что никак мне нельзя воздержаться!.. Тут и навыки, тут и порядки, тут и сознание, что нельзя же зря жалованье получать... Одним словом, так вот меня и подмывает, так вот и подмывает, товарищ доктор!..

— На что подмывает?.. — спросил врач.

— На это самое... — ответил Иван Матвеевич. — Составить, утвердить, написать...

— Что составить и утвердить?..

— Ну, что в таких случаях полагается... Циркуляр о проведении соревнования. Инструкцию о порядке и формах. Форму отчетности. Порядок прохождения и согласования...

— Ну?.. — произнес врач.

— Ну, и достаточно, — сказал Иван Матвеевич. — Для живого дела более даже чем достаточно. Крышка тогда. Аминь. Капут. Как же ж уж тогда волны энтузиазма!..

— Н-да-а... — произнес врач. — Но неужели никак нельзя удержаться?

— Невозможно, — сказал Иван Матвеевич. — Это, как говорится, сильнее меня. По долгу службы, так сказать, подмывает... Тянет, совет!.. Не могу.

Врач подумал, вздохнул — и написал:

«Гистерия акута бюрократика — острая бюрократическая истерия. Необходим отпуск на три месяца».

Грамен.

Рис. К. Х.

ВЕКОВЫЕ ВРАГИ
Кошка и собака.

ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ

— Чего там!.. Знаем его!..

Хороший парень!..

Иа, возгласов на чистке.

ЗА ПЕТРОВА-ТО! Да каждый
Голоснуть не раз, а дважды
Рад!..

— С небольшим хотя парт-стажем,
Но уж парень, прямо скажем,
Клад!..

— Тут какие же вопросы?..
Некурящий, платит взносы
В срок!..

— И не выпьет, грешным делом...
Виден в парне, в общем-целом,
Прок!..

— В половом вопросе сдержан,
К картам тоже не привержен,
Нет!..

— Никогда не лезет в свару,
Хоть служи с ним год, хоть пару
Лет!..

— «Мать» услышавши в помине,
Задрожит, как на осине
Лист!..

— Да чего там... Будя!.. Хватя!..
Что тут спорить, время тратя?..
Чист!..

★

Кто же против-то Петрова?..
Все, конечно, только «за»:
Ведь о нем худого слова
Не сболтнешь и за-глаза!
Что ж, что не был ни рабочим,
Ни крестьянином с сохой?..
В остальном зато он в прочем —
Парень очень неплохой!
Правда, были толки слышны,
Он — партиец никудышный:
Большевизма — ни на грош!
Но ведь это... Это — что ж!..
Кто же нынче без дефекта?..
Это — мелочь... Человек-то,
Человек зато хорош!..

Н. Кр—н.

СПУЖАЛСЯ

ПРАВЫЙ УКЛОНИСТ: — Товарищи, умоляю вас, не дразните животное! Не стройте социализм так быстро! Оно этого ужасно не любит!

Рис. К. Елисеєва

1. Перелет.

БЕССЛОВЕСНЫЙ

ПЕТР Иванович окончательно оторопел и растерялся. Время нынче мудреное... Что ни скажешь, обязательно влопаешься то в замазывание, то в примиренчество, а то и в целый уклон!

«Старшие делопроизводители и то путаются, а уж куда мне», — подумал он и решил молчать в тряпочку.

Долго молчал Петр Иванович. Молчал на собраниях, молчал с приятелями, молчал даже дома, для практики.

В ответ на все вопросы он издавал какие-то неопределенные звуки, сопровождая их таинственными и совершенно непонятными жестами.

— Что ты думаешь, Петр Иванович, насчет колхозного строительства? — спрашивают бывало приятели.

А он в ответ:

— Мму... Гм... с мму...

И делает пальцем какие-то рожки.

— В роде как указывает на животноводство, — решали приятели. — А темп индустриализации, Петр Иванович, правильный или нет?

Петр Иванович многозначительно поднимал указательный палец вверх и гудел:

— У-у... У-у... У-у...

— Вот, скотина! — возмущались приятели, — поди узнай: есть уклон у него или нет? Ишь чего удумал, пес!

И Петра Ивановича оставили в покое.

Он обрадовался и замолчал пуще прежнего. Все решили, что он окончательно потерял дар речи. Известно, что в силу закона биологии всякий бездействующий орган постепенно отмирает. Язык Петра Ивановича, в самом деле, поворачи-

ЧЕСТНОСТЬ

КЛАДБИЩЕНСКИЙ сторож сказал мне однажды:

— Почтенный товарищ, поверьте, что я, как и всякий из подлинных граждан, Имею решенье на случай смерти. Я место себе не беру для могилы В пределах кладбищенской территории. Желаю, чтоб тело рабочее было Отправлено в крематорий. И пусть оно там переходит обычно Обычный порядок сожжения... Да, я не использую в целях личных Служебного положения!.

А. Твардовский.

2. Слет.

вался во рту с трудом. И возможно, что Петр Иванович навсегда лишился бы речи, если бы не подоспела чистка.

Проверочная комиссия, подивившись невнятному мычанию Петра Ивановича, единогласно постановила:

— Исключить как обывателя-молчалника, не имеющего никакого мнения по важнейшим вопросам партийной политики!

Выслушав решение, Петр Иванович внезапно заговорил:

— Неправильно. У меня никто никаких уклонов не обнаруживал, членские взносы уплачены, собрания не пропущены. Неправильно. Я буду жаловаться!

— Прекрасно! Говорите, говорите! — обрадовалась комиссия. — Жалуйтесь, возмущайтесь, бранитесь, но не молчите! Не забывайте, гражданин, что дар речи — одно из величайших достижений человека!

Б. Самсонов.

ПРИМЕРНЫЙ СЛУЖАКА

— Товарищ заведующий! Я предлагаю вам при чистке обязательно сократить мою жену: она — бывшая буржуйка и сейчас имеет лавочку на стороне. А кроме того мы вчера развелись.

★

Женщина-хозяйка особенно нужна нам при строительстве. У нее есть большой опыт:

Она может **ВЫКРОИТЬ** лучше любого мужчины средства на постройку школ и больниц из небольшого бюджета.

Может **СГЛАДИТЬ** многие недостатки нашего бюрократического механизма.

Лучше любого мужчины может она **НАКРЫТЬ** вредителей и врагов.

ПОЧИНИТЬ и **ЗАШТОПАТЬ** любые прорехи в работе.

И, наконец, — она знает, как покончить с ненужным **БРАКОМ**.

КРОКОДИЛЬСКАЯ ХРОНИКА

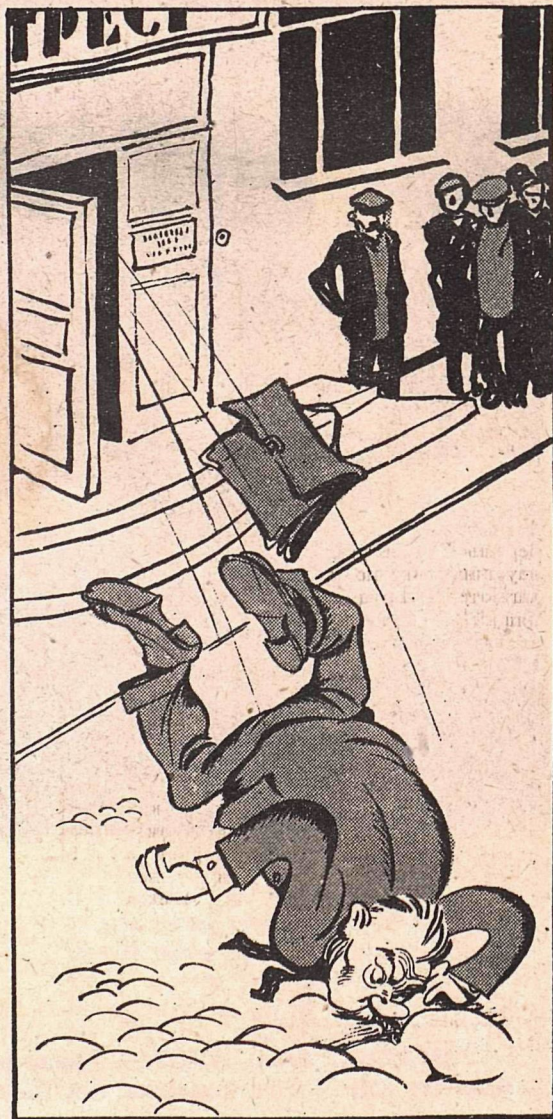
Читатели и почитатели продолжают присылать головотяпские подписи на конкурс. Дорогие товарищи, конкурс закончен! Не может он вестись так же долго, как будут существовать головотяпы!

★

Готовится к печати и выйдет в конце июля специальный номер «Крокодила»:

КРАСНЫЙ ДЕНЬ

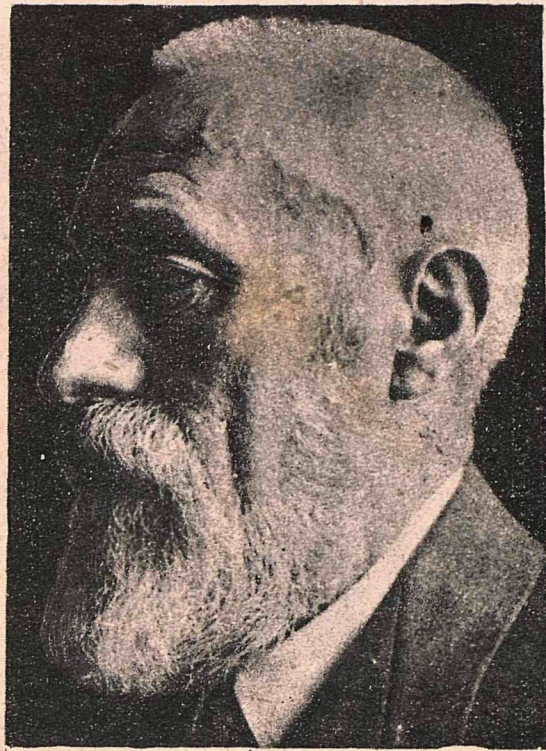
посвященный 15-летию империалистической войны.

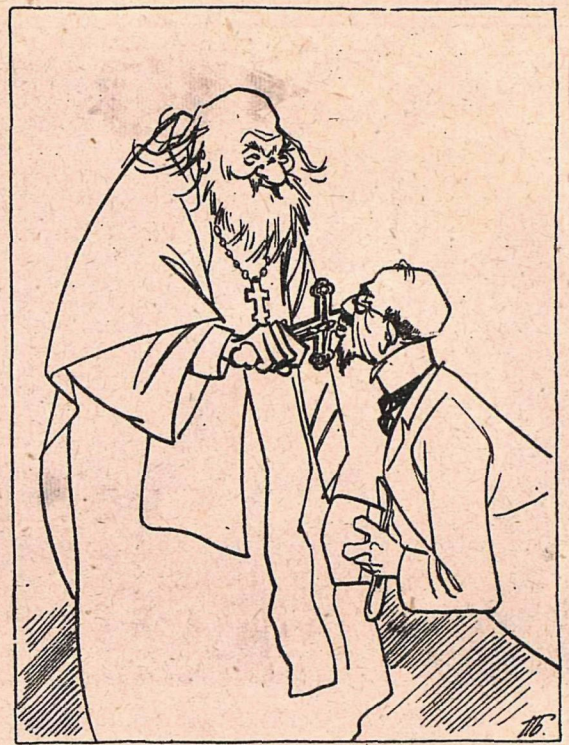
3. Вылет.

ПРОФЕССОРА БЫВАЮТ РАЗНЫЕ
 Бывают такие, которых знает целый мир...
 (К. Тимирязев)

Такие, которых знает целая страна...
 (А. Н. Бах)

И такие, которых знает целый приход.
 (Имена их ты, господи, веси).

НЕ РЕКЛАМА, А ФАКТ

СРЕДИ нефтяных вышек Грознефти высится одна — не совсем обычная.

На этой вышке, сверкая на солнце, ярко горит золотой крест. Отсюда несутся ежедневно над промыслами то-скливые удары колокола.

Хромому звонарю явно некуда спешить... Звонит он так, как будто РКК отказала ему в выдаче сверхурочных.

Отдав свои трудовые часы, он спускается с колокольни. На паперти, тербя редкую бородку мышиного цвета, прохлаждается заведующий церковью — маленький, шупленький попик.

— Товарищ, если вы будете так звонить и в дальнейшем, — грозно заявляет он звонарю, — то я поставлю о вас вопрос в управлении делами и в месткоме! В наши дни, когда вопрос о повышении производительности труда ставится во главу угла всей работы промышленности...

— Мели, Емеля, твоя неделя! — прерывает его звонарь, становясь в угрожающую позу. — Замечания делать вы все горазды, а вот позаботиться, чтобы мне спецодежду выдали, так этого нет... Пока наверх заберешься, весь пиджак обдерешь. А наушники мне полагаются или не полагаются?! Трудящийся я или не трудящийся?! А рукавицы где? Сегодня же заявлю в охрану труда! Чай, не при Николае кровавом живем. За что боролесь?!

— Вот что, Василий, дружок мой... — спешит замять разговор заведующий. — Я сегодня же поговорю насчет спецодежды, а ты, пока что, подтяни лозунги на фасаде. Гляди, как «Все на борьбу с религиозным дурманом» покосились. И еще «Борьбу с прогулами» поправь... Сегодня у нас вечером молебен о даровании успехов социалистическому соревнованию... Сам заведующий промыслами вступительное слово делать будет...

— Потом, Василий, последи, чтоб хор во-время начал... Как они вступительное кончат, сразу чтобы «Интернационал»... Толкни регента в бок, а то глухая тетера еще чего доброго вместо «Интернационала» — «Аллилуйю» грянет.

Разговор с звонарем грозит затянуться, но его во-время прерывает подошедший электромонтер.

— Товарищ поп! Где вам тут электрические лозунги присобачить прикажете? Из управления прислали...

— Вот это замечательно! — хлопает его попик по плечу. — Во имя господи, заодно, товарищ, проверьте пробки, а то на прошлой неделе конфуз приключился. — Только «За поднятие производительности труда господу богу помолимся» затанули, и вдруг короткое замыкание... Завагитпропом очень недоволен был... Еле-еле его уговорили, что я здесь ни при чем... Электричество, говорю, оно не от бога, а от нашей собственной электростанции... Ну, пока! Пошел, а то завтра у меня партийный день... Для партийных. Они у меня перед чистой исповедываться будут...

★

— Что за галиматья? — удивится даже наш, привыкший ко всяким головотяпствам, читатель.

Рис. Ф. Сигова

СОЛИДНЫЙ СТАЖ

— Молоды вы, батенька, меня учить. Заработайте сначала союзный стаж в двадцать лет.

— А разве у вас такой стаж?

— Именно такой: восемь лет в союзе совторгслужащих да двенадцать — в союзе Михаила архангела.

— А какое такое головотяпство? Почему головотяпство? — обидится бухгалтерия старых промыслов Грознефти. — Зачем такие слова говорить? У нас все на законном основании. Честь честью, по книгам проведено...

И действительно. В соответствующем месте годового баланса промыслов красивым каллиграфическим почерком выведено:

«Стоимость церкви, находящейся на московском участке старых промыслов Грознефти — 9.039 руб.»

«На амортизацию церкви списано за последнее время 1.806 р.»

Грознефть дает церкви воду, паровое отопление, электричество.

Ко всем накладным расходам, сидящим на спине советской нефти, прибавляется еще один — на содержание божьего храма...

Грознефть, аминь!

И. Амский.

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

КРАСНЫЙ ДЕНЬ

В Европе готовятся к Междунар. красному дню.

На красный день — набросить тень!
 Его боятся как огня.
 Лишь потому, что красный день
 Восстанет «среди бела дня».

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ШОПОТ

Работа Чехову легка,
 Не страшно и соревнованье,
 Когда в театре есть рука:
 И «Три СЕСТРЫ» и «ДЯДЯ Ваня».

„ЗЕЛЕНЫЙ ПЕРЕУЛОК“

Кино-фильм

В иных картинах только вред,
 Скажу за классиком вослед:
 «Нельзя ли для таких прогулок...
 Закрыть «Зеленый переулок?»

„ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ“

Кино-фильм

В «Полете» есть такие бредни,
 Что хуже, право, не найти...
 Но был бы хоть «полет» последний...
 Куда!.. Их много впереди!

„ГЕНЕРАЛ“

Кино-фильм,
 с уч. Бестера Китон

Успеха выпало немало,
 И Бестер Китон — генерал...
 Единственный из генералов,
 Что наш экран завоевал.

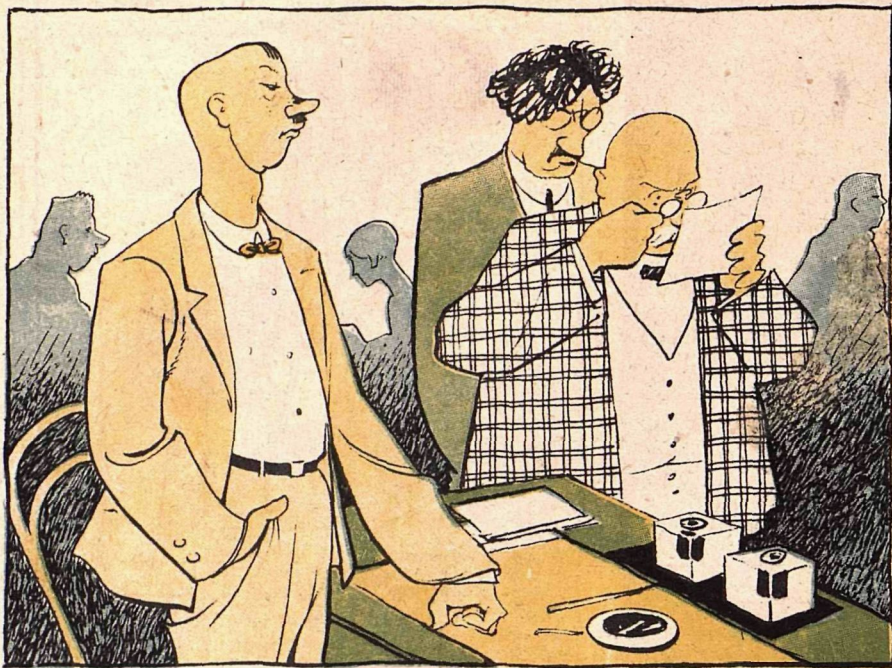
ВОДНЫЙ РЕКОРД

Наш зав не плачет и не стонет, —
 Рука есть сильная над ним.
 В воде он никогда не тонет,
 И выйдет из нее сухим.
 Своей протекции и силе
 Он неизменно верен был:
 Его рабкоры утопили,
 Но он нырнул и... снова всплыл!

Минассо.

ИЗ ДЕРЕВЕНСКИХ РАССКАЗОВ

— ... Уж такая, матушка, теперь чистота в городе, что и сказать нельзя: улицы чистят, кооперацию чистят, учреждения чистят, даже нашего Микиту Кривого, что в партии состоял, и того... вычистили!

На службе он сказал, что его вызывают на заседание...

На заседании сообщил, что его задержали на службе...

СТАРОСТА В ЦЕРКВИ

В ПЕРЕДИ шел староста. За ним непрерывным потоком из народного дома двигался водопад людей.

— В церковь! В церковь! — раздавались голоса.

Я слышу, как читатель трогает меня за рукав и мягко останавливает:

— Бросьте! Где это видано, чтобы народ из клуба валил в церковь?

А между тем, это так. Староста шел легко и уверенно, зная, что за ним идет восьмитысячная масса. Несмотря на озноб весенней стужи, несмотря на проливной дождь, они идут за ним под священные своды храма «трех святителей».

И опять назойливый окрик читателя:

— Что вы городите? Не может этого быть! Где, когда это было?

— Это было нынешней весной в Глобинском районе, Кременчугского округа, на Украине. В народном доме не осталось ни души. Вечер самодеятельности, подготовленный комсомольцами, был сорван бесповоротно, так как все население района ушло за старостой в церковь. Поток манифестации захватил всех, не исключая молодежи и детей.

— Но где же были безбожники? — раздаются возмущенные голоса.

— Не волнуйтесь, товарищи! Безбожники сами шли в церковь вместе с толпой.

— Позвольте, а партийная организация, а комсомольцы, а советский актив, что же они делали?

— Они шли впереди толпы за старостой и вели за собой тысячи крестьян и крестьянок, батраков и рабочих.

Но... тут упущена одна подробность. Староста-то был не церковный, а всесоюзный староста, один

из председателей ЦИК СССР и председатель ВУЦИК, тов. Петровский. Он приехал в Глобинский район, и огромная, нескончаемая демонстрация вышла ему навстречу. Погода злилась и мешала старосте поговорить с крестьянами по душам. Пришлось пойти в народный дом, но скрипучая дверь с трудом пропустила только 300 человек. Тысячи остались на улице. Именно тогда кто-то подал блестящую мысль:

— Пойдемте в церковь! Там три тысячи человек помещается.

Церковный староста, находившийся тут же, побежал за «визой» к священнику. Вернулся он со связкой ключей в руках и со смущенным замечанием:

— Батюшка позволил... Только просил не поколебать святыни. Уж вы, братцы, полегче там... Угоднички, сами знаете, народ деликатный, обидеться могут!

Собрание охотно поручилось за неприкосновенность угодничков. И впервые церковь наполнилась до отказа живым, полноценным людом, пришедшим послушать с церковного амвона небывалую проповедь о пятилетке, о реконструкции сельского хозяйства о политике партии и советской власти.

Тов. Петровский подробно и долго говорил о великом Днепрострое. В углу у иконостаса счастливо плакала просветленная старушка. Было ей девяносто, и оглохла она на оба уха. Она видела только, что кругом чему-то радуются, что в церкви небывалая масса народа, и объясняла это внезапной господней благодатью.

— Об чем говорит божий человек? — допытывалась она у комсомольца.

— О Днепрострое, бабуся, о Днепрострое!

— Скажи на милость! Это что ж: угодник такой новый объявился,

што ли ча? Господи, прости меня, грешную...

— Госплан простит! — шутил комсомолец.

В алтаре, за царскими воротами, священник и дьякон томилась завистью.

Кончился доклад. На подмостки клироса поднялся крестьянин из села Пустовойтова.

— Говори, Опанас, не робей! — подбодрили односельчане.

И тогда, уверенный и строгий, сквозь чашу седых усов, прозвучал голос:

— От имени села Пустовойтова порешили мы церковь взять под культурные нужды. И просить товарища Петровского, как есть он тут, утвердить это дело. Зря пропадает такая домина!

— Не сматывать ли удочки, отец? — зашептал дьякон. — Закроют церковь, как пить дать!

— Стыдись, малoverный! — укорил подначального поп.

— А чего мне стыдиться? Сиди тут, чорт с тобой! А я пойду! Не могу молчать!

Это было похоже на выход первого любовника, кумира публики. Многотысячная толпа застыла в ожидании. Дьякон Кременчинский сбросил рясу:

— Не желаю больше быть дьяконом! Владыкой мира — будет труд. Слышишь, владыка? — обратился он в сторону алтаря.

★

В этот день приговор церкви был подписан руками восьми тысяч человек. Смеясь и торжествуя, расходилась толпа. У иконостаса благоговейными слезами радости обливалась старушка:

— Господи, сколько святых объявилось! Владычица Пятилетка, святитель Госплан... А я и не знала. Прости мне, господи!

П. Майский.

ЛУНА

ЧТО такое?

— Не потоп ли?

Рев сирен. Зловещ набат. Дикие крики. Жуткие вопли. Суматоха...

Сущий ад!

И среди тревог кошмарных блещут каски, словно жар: пять команд лихих пожарных прикатили.

— Где пожар?

Бранд-майор самодовольный приказал:

— Товарищи! Марш! Живей! На колокольню все насосы! Все тащи!

Вот пожарные машины вверх втащили сгорающую, и начальник пожарной отдал приказ:

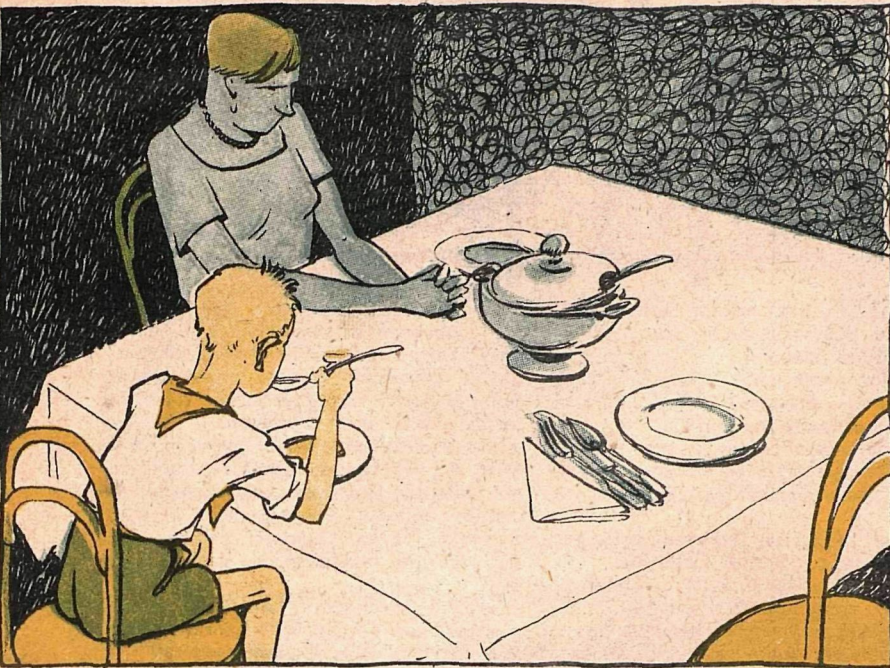
— Качай!!

Рис. Агнита

ОБ ОБЩЕСТВАХ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ

— Ну, как у вас дела?
— Ничего, собираем взносы помаленьку...
— А как остальное?
— А что еще может быть „остальное“?

Дома просил обедать без него, так как он после службы отправится на заседание...

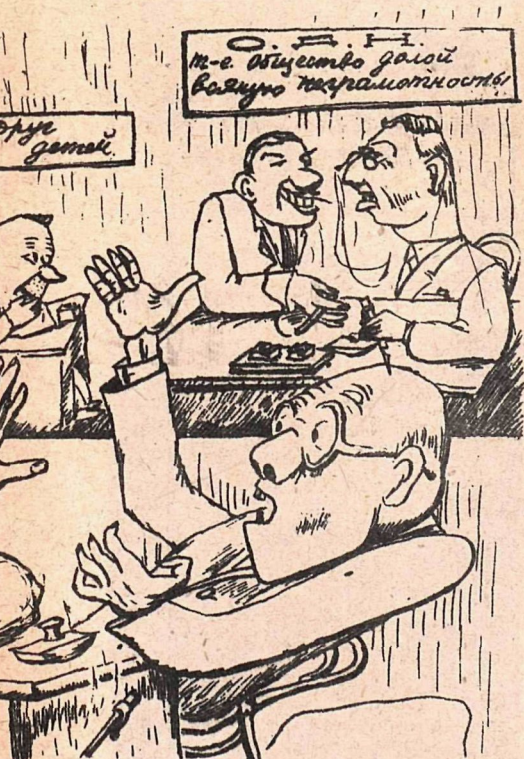
И, действительно, отправился по неотложному делу.

ГОРИТ

А толпа в тылу и с флангов обалдела...
— Ну и ну!..
Все пожарные из шлангов поливают на... луну!!!
Вижу: морщится читатель и, не в силах промолчать, обращается к печати:
— Ох, уж эта мне печать! Ох, уж эти юмористы! Обязательно наврут!..
— Извините: здесь все чисто. Факт и быль.
Прочтите тут:

Нач. Усольской пожарной команды Баранов принял свет луны за... пожар. В пос. Чуртан были вызваны все местные пожарные команды.

(«Смычка» № 45).
А. Стотрацкий.

ВАМ товарища барина? — спросила меня домашняя работница, открывая дверь, на которой белела карточка:

«С. С. Аккуратный, член ВКП(б) — секция Коминтерна».

Семен Семенович товарищ Аккуратный сидел в рабочем кабинете на зеленом диване, под большим портретом товарища Маркса. В стороне от дивана, на письменном столе, лежало начало рукописи с четким заглавием: «К вопросу о...».

— А... а! — поднялся мне навстречу Семен Семенович, — застали меня. Прошу, прошу. Как видите, — рабочий досуг. И заметьте — редкий случай: первый день без заседаний. Даже как-то непривычно, знаете ли. А то все заседаем, заседаем...

В дверь постучали.
— Да! — сказал хозяйственно Семен Семенович.

— Товарищ барыня вас просят! — отозвалась домработница.

— Не товарищ барыня, а товарищ Нина Александровна! — поморщился Семен Семенович. — Сколько раз надо вас учить, Даша? Ведь вы срываете классовую линию, Даша! Право же, Даша, неудобно. Сколько раз...

— Беда с этим народом, — повернулся он ко мне и заторопился: — Ну, я сейчас. Минутку!

Мы перешли в столовую. На столе тульский самовар пел самые революционные песенки. Товарищ барыня налила нам чай в чашечки полуреволюционного цвета мухомора и разложила салфеточки, расшитые серпом и молотом. В довоенных вазочках темнело варенье.

— Положи-ка мне, Киска, малинового! — ласково попросил жену Семен Семенович. Киска наставительно промурлыкала:

— Нельзя, Котик, ты вспотеешь и протудишься. Возьми вишневое!

— Нет, не простужусь, Киска! — шуточно закапризничал Семен Семенович. — Вот хочу малинового, малинового, малинового!!

Киска тут же сдала часть позиций.

— Пусть, Котик, будет не по-твоему и не по-моему. И тебе, и товарищу я кладу абрикосовое. Хорошо, Котик?

— Что поделаешь, — подмигнул мне товарищ Аккуратный, — диктатура раскрепощенной женщины?

— Ну, уж сразу и диктатура! — возразила Нина Александровна: — вечно всюду у тебя диктатура. Впрочем...

Она мило улыбнулась в мою сторону: — Я хотя и беспартийная, но знаете ли, вполне, вполне сочувствую. Жить можно. В чем дело? Сенечка получает по шестнадцатому разряду...

С нагрузкой! — внушительно прибавил Семен Семенович.

— И с нагрузкой, и с заседаниями... Он у меня вообще труженик и беззаветный...

— Беззаветно преданный делу революции! — поправил Сенечка.

— Вполне! — авторитетно закрепила Киска. — Он у меня такой. Ни в троцкизме, ни вообще. И с уклонами — ни-ни. Зачем ему это? Мой-то Сенечка... Кстати, покажи, Сенечка, наш альбом!

— Ну, что особенного? — опустил реснички Семен Семенович, — уж не знаю, право!

Это был обыкновенный плюшевый альбом с застёжками, с выемкой для карточек. Но в старые меха влилось новое вино.

— Вот мой Сенечка на субботнике! — говорила Киска, и на блеклой фотографии мерцал передо мной призрак, составлявший по объему лишь одну треть нынешнего укомплектованного Сенечки.

— А вот он в разгар разрухи, — продолжала Нина Александровна. — Не правда ли, какой худой и небритый? Ужас, ужас, какой ты был, Сенечка!

— Вот здесь, — продолжала она, — Сенечка выезжает на фронт... Видите, какая у него революционная решимость?

Да, я видел революционную решимость Сенечки на снимке, но я знал также, что фронтом для Семена Семеновича был отдел снабжения армии.

Киска перелистывала.

— Сенечка возвращается с фронта к трудовым боям.

— Сенечка в кругу своих сослуживцев на революционном пикнике.

— Сенечка на собрании ячейки перед выступлением в прениях.

— Этот снимок — сразу после партийной чистки в двадцать первом году. Вы видите на лице у Сенечки неуловимое торжество победителя? Его не вычистили!

— А вот это мы, я и Сенечка, на третий день после загса.

Действительно, на снимке и Сенечка, и Нина Александровна выглядели радостным голубем и кроткой голубкой. Косячком же по снимку прошлось посвящение на «революционную память».

Нынче десятый уж год. Как все свободны и вольны. Нет уж в России господ, — Этим мы очень довольны.

И подпись: «Моей Ниночке — твой Сеня Аккуратный».

— А теперь...

Меня подвели к книжному шкафу. Разговорчивая Киска сделала ручкой и объяснила:

— Здесь наша семейная гордость. Обратите внимание — весь Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Золотое тиснение. Полное собрание с примечаниями. Переplet — шагреневый. Папки — по персональному заказу... Дальше — Плеханов; темное тиснение без позолоты. Здесь — «Вся кооперация», богатое издание с золоченым обрезом. Маркс и Энгельс — редкое издание. Натуральный хром. Тиснение. Бебель и Гегель, Чарльз Дарвин и Кропоткин — тиснение... Посмертное издание сочинений товарища Воровского — черная кожа. Лаковый корешок, тиснение. Шестой конгресс Коминтерна. Полная стенограмма...

— Тиснение?

— Натуральная шагреневый! Тиснение.

— Как в хороших домах! — вырвалось у меня восторженно.

— Не правда ли?

— А, скажите, что Сенечка, то есть виноват, Семен Семенович, всё под ряд и читает?

Киска испуганно замахала лапками.

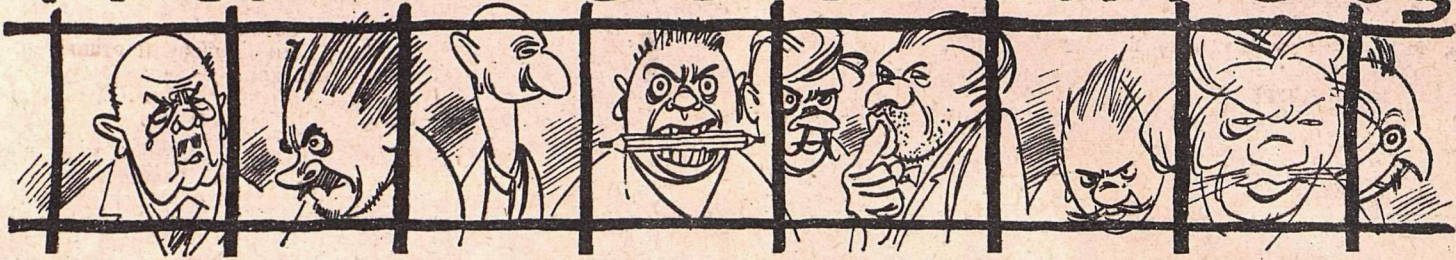
— Что вы, что вы! Ведь это же все ценности. Разве их можно портить руками. Одно золотое тиснение чего стоит. Что вы!

Семен Семенович добавил:

— Из заседаний не вылезает. Если когда газетку успею почистить, и то скажите спасибо!

Л. Митницкий.

НАШ ЗВЕРИЦЕЦ

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ порода избилает самыми чудесными экземплярами. В интересах науки Крокодил долго и старательно подбирал их, растил и нежил в своем зверинце, чтобы показать изумленному зрителю. Зверинец еще не полон. Некоторые клетки его пусты. Но тщательный уход и редкая заботливость, с которой Крокодил относится к своим экспонатам, — верная порука тому, что остальные диковинки сами придут и сядут. Милости просим! А пока осмотрим нашу фауну. Вот полюбуйтесь!

1. «МУЖ»

Кличка — Потапчук. Профуполномоченный на Горловском руднике. Из породы дикобразов. В домашней обстановке любит терзать жену. Отчаявшаяся жена сбежала куда глаза глядят. Тогда Потапчук решил вернуть ее к семейному очагу измором. По всем биржам труда, где могла появиться жена, он разослал такие письма:

«Товарищ заведующий! У вас зарегистрирована ли на бирже Анна Антоновна Потапчук, а если она на свое имя, то Переверзева? Товарищ заведующий! Прошу вас не посылать ее на работу потому, что она бросила мужа, т.е. меня, и не хочет жить с ним. Ее здесь нигде не принимают за это самое (!). А по-сему ей даже все службы отказали.

Никто ее не хочет даже временно на день, на два взять. Пусть она покрутится и придет с мужем жить. По-сему не откажите моей просьбе.

Потапчук.

В зверинце Потапчук набрасывается на женщины и девушек, выскивая жертву. Будьте осторожны! Ласкать его можно только издали. Особенно отзвучив на кличку «индидот». При этом он широко улыбается и высказывает безграничное удовлетворение.

2. БЛЮСТИТЕЛЬ ИДЕОЛОГИИ

Кличка — Хаустов. В зверинце содержится как редкий экземпляр из породы шепетильных цензоров. В № 18 «Крокодила» было напечатано стихотворение тов. Маяковского «Кандидат из партии». Ни в какой ереси, ни в каких уклонах этот номерок замечен не был, что и удостоверяется № А-32687 Главлита. Но разрешение Главлита совсем не обязательно для уполномоченного оренбургского окрлита Хаустова. Когда местный театр включил эти стихи в обозрение, — Хаустов пришел в великое негодование:

— Вы с ума сошли! Как можно допустить такую контру? Да ведь за одно название Маяковского можно в Сибирь сослать! «Кандидат из партии», — а как поймет это публика? Факт, что увидит намек на меня! Не позволю! Поставьте просто «Кандидат».

— Но кандидат может быть в папы римские, в сумасшедший дом...

— Опять намек?!

— Нет, серьезно! Мало ли какие кандидаты бывают? Оставьте уж так! — упрашивали актеры.

— Не могу! Пусть будет. «Кандидат к чистке». В этом больше идеологии, — ведь мы все кандидаты к чистке.

После заглавия Хаустов стал расправляться с текстом. Строчки:

«Вышел из бойцов с годами

В лакированные душки»

были решительно забракованы.

— Это что же? Термидор, значит? Перерождение? Меня не проведешь на этих уклончиках!

И находчивый Хаустов сам взялся за переделку стихов.

В зверинце он поражает посетителя неожиданным открытием:

— Вы знаете, Маяковский-то со мной на пару работает! Строчку он напишет, а строчку — я. Без меня он запутался бы в идеологии. Факт!..

3. АРАП

Кличка — Сидоров. Выродок из племени селькоров. До заключения в зверинец писал заметки в чувашской газете «Канаш». Когда газета объявила конкурс на лучший кооператив, Сидоров занялся высыванием из пальца никогда не существовавших в природе достижений. Он знал, что председатель Ново-Шинкуского кооператива Галкин — почетный, потомствен-

ный спекулянт, он знал, что товары из кооператива сплавлялись в частную лавку папаша Галкина, а ревизионная комиссия щедро списывала в брак товары, которые потом за бесценок сбывались торговцам.

Но это не помешало ему расхвалить кооператив в газете, расписать его такими красками, что доверчивое жюри выдало коопдельцам первую премию. Тогда Сидоров решил, что не худо бы поживиться премией и ему.

«После того, как я написал статью в «Канаше», — пишет он в правление кооператива, — вы по моей милости (!) получили премию в 700 рублей. Мне за эту статью уплатили гонорар только 15 рублей. До премирования Галкин говорил, что если после появления статьи добьемся премии, то мы от кооператива выделим тебе 50 рублей. Поэтому прошу вас обсудить вопрос о моем вознаграждении либо товарами, либо деньгами по вашей совести».

Любуйтесь Сидоровым! Он не просто арап, а еще премированный!

АНОНС! ЕДУТ! ЕДУТ!

Из-под тропика Козерога в зверинец прибывает новая партия зверей. Среди них — «спеу», «шеф», «влюбленный» и другие заморские чудовища. Следите за афишами!

ИНОСТРАННАЯ КАРИКАТУРА

(Справа)

ПОРТРЕТЫ ДНЯ

Герберт Гувер, новый президент Европы.

(„Варе Якоб“, Берлин)

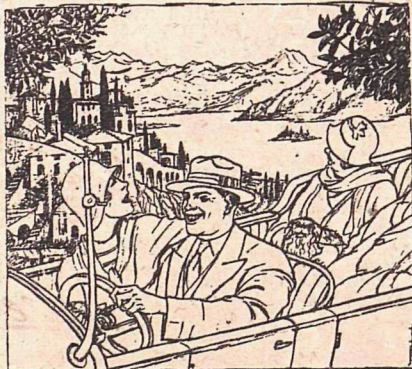

Польский способ об'единять меньшинства „в гармоническом согласии“ („Кладдерадч“, Берлин)

В ОККУПИРОВАННОЙ ОБЛАСТИ

— Пожалуйста, Эмилия, не улыбайся! Французы заметят твой золотой зуб и накинут еще миллиард. („Кладдерадч“, Берлин)

ЛУЧШИЙ ИЗ МИРОВ

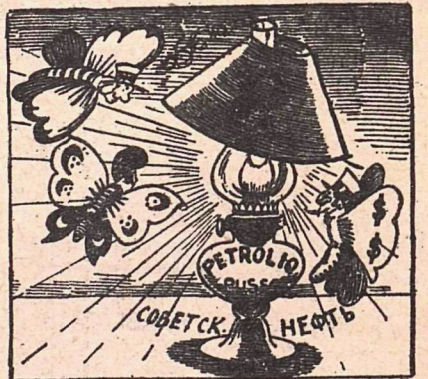
— Смотри, мама, как прекрасен мир! И подумать только, что коммунисты это отрицают!..

(„Симплициссимус“, Мюнхен)

В ПОРТРЕТНОМ МАГАЗИНЕ

— Простите, сударыня, но политические деятели все куплены, а академики — вылиняли! („Рир“, Париж)

СВЕТ С ВОСТОКА!

(„120“, Флоренция)

Те, кто действительно заинтересован в европейском хозяйстве, — на парижскую конференцию приглашены не были.

(„Варе Якоб“, Берлин)

МУЗЕЙ ПАРТФИГУР

ЗАЛ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ФИГУРА № 108. ГЛОТОВ А. Ф. — отв. секретарь райкома Барнаульского округа. Глотов, узнав, что курица и та пьет, воскликнул:

— Чем секретарь хуже курицы?

И стал пить, как свинья.

Дело дошло до того, что даже заседания райкома Глотов проводил в пьяном виде.

В конце концов, допился, конечно, до положения партбилета в архив контрольной комиссии.

ФИГУРА № 109. БОТОВ Ф. С. — сотрудник Курдистанского исполкома.

Дядя с девственным, не тронутым политграмотой умом. Газет никогда не читал. Даже отдел проишествий. В политике смыслит значительно меньше, чем любой трехлетний младенец.

Однако родители Ботова гордятся политпознаваниями своего детища.

— Феденька, агунюшки! — демонстрируют они сына гостям, — скажи, кто дает нам хлеб?

— Карла Маркса, — отвечает насупившись Федя.

— Умник! Все знает! Больше и не надо! И так в исполкоме он у нас служит!

Но при проверке оказалось, что этого недостаточно, и Федю выставили на страх личностям, политикой не интересующимся.

ФИГУРА № 110. ИКРАМОВ М. — зампред ташкентской ОКК.

Впав в правый уклон — дошел до точки.

Не оказывал помощи и содействия трудящимся, а помогал баям.

Препятствовал выявлению и устранению влияния баев.

Через подставное лицо получал доход со своей земли.

Словом, оказался не председателем, а предателем, за что и выставлен.

ФИГУРА № 111. ВИНОГРАДОВ П. Ф. — секретарь чебоксарского СПС и зав ОТЭ.

Подобно многим профработникам имел преувеличенное представление о своих достоинствах. Он ценил себя очень высоко. Ровно вдвое больше установленной нормы. Выписывал себе командировочных не 2 р. 50 к., а — 5 рублей. Во время болезни получал жалование и страховые по бюллетеню. Отправляя Виноградова на выставку, чебоксарцы снабдили его надписью: «Дорог, как память».

ФИГУРА № 112. ЗАХАРОВ Е. Ф. — председатель Тесовского вика.

Захаров больше всего боялся, как бы бедняки не потеряли своего пролетарского лица, а кулаки не сделали бы пролетариями.

Поэтому он и вел правоуклонную политику: бедноту переоблагал, а мироедов не дооблагал.

Кроме правого уклона имел уклон во все четыре стороны, ибо пил, как хороший насос.

ФИГУРА № 113. АВЕТЕСЯН П. П. — инвалид-пенсионер.

Человек робкий, чрезмерно стыдливый. Давно бы ему следовало вернуть свой партийный билет, но все конфузилась.

Обзавелся Аветесян большим хозяйством, нанял батраков, с головой ушел в навоз, в торговые комбинации, а когда о нем вспомнили и выставили, Аветесян облегченно вздохнул и сказал:

— Ну, слава богу, наконец-то сами догадались!

ФИГУРА № 114. РЯБОВ М. И. — отв. секретарь горкома в Мерве.

Пал жертвою излишней старательности и усердия.

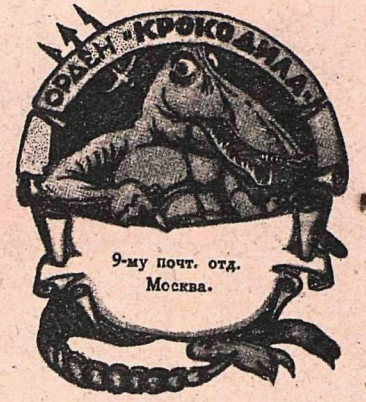
Рябов, желая узнать, не играют ли члены партии в казино, стал посещать под видом Гарун-Аль-Рашида сие злачное место. Для пушей достоверности стал сам играть в казино и выигранные деньги пропивать. В конце концов, прикинулся негодяем, но слишком вошел в роль и сделался негодяем на самом деле: развел пьянство, кумовство, оторвался от масс и т. д.

— И в усердии надо знать меру! — гласит плакат на выставке около фигуры Рябова.

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

— Пригласил нас вчера Сергеев на чашку чая и, представь себе, обманул: кроме чая с вареньем ничего не было.

РЕСКРИПТ „КРОКОДИЛА“

БЫЛ в Англии писатель такой, юморист Джером К. Джером. Очень известный писатель. Помер лет десять тому назад. И жила у него домработница Мэри, особа пожилая и сурового нрава. Про нее писатель Джером рассказывает такую историю. Приходит он однажды вечером домой. Снимает в целях гигиены пальто в передней и спрашивает у Мэри, которая отпирает ему дверь:

— Скажите, Мэри, вы не знаете, который час?

— Знаю, сэр, — отвечает Мэри и уходит к себе на кухню.

Писатель ждет минутки две, потом идет за Мэри и переспрашивает:

— Ну, что же, Мэри? Я ведь спросил вас, который час...

— Извиняюсь, сэр, — отвечает Мэри с достоинством. — Вы спросили меня не об этом, а только о том, ЗНАЮ ЛИ Я, который час. Я на ваш вопрос ответила, сэр.

Неизвестно, была ли Мэри членом профсоюза, и платил ли хозяин за нее социальное страхование. Но ясно, что Мэри была бюрократом. И в смысле выдвигания она была кандидатом не ахти какой.

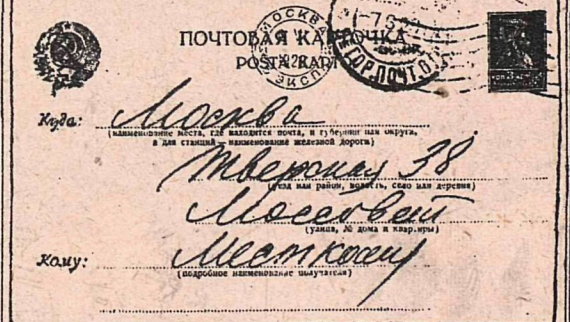
К сожалению, Мэри выдвинули. Это сокровище, повидимому, работает в Москве, в 9-м почтовом отделении. Только этим можно объяснить то, что случилось с письмом районной комиссии по госкредиту, адресованное местному Московскому совету.

А ПОСЕМУ:

Мы, «Крокодил» первый и единственный, гонитель бюрократов и головоулов, гроза совдураков, бич подхалмы, и прочая, и прочая, и прочая — властью, данной нам рабочим и крестьянским читателям —

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ ПОВЕЛЕВАЕМ ДЕВЯТОЕ ПОЧТОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОРОДА МОСКВЫ ЗА ВЫДАЮЩИЕСЯ ЗАСЛУГИ В ОБЛАСТИ НАСАЖДЕНИЯ БЮРОКРАТИЗМА И ХАЛАТНОСТИ НАГРАДИТЬ ОРДЕНОМ «КРОКОДИЛА» ВТОРОЙ СТЕПЕНИ, ЗНАКИ КОЕГО ВЫШЕ ПОМЕЩАЮТСЯ.

Заслуги награждаемого выразились в том, что, получив открытку, адресованную Моссовету, — ТВЕРСКАЯ, 38 — он Моссовета не разыскал, о чем выдал справку, препроводив письмо обратно отправителю.

Рукою выдвигенки Мэри в справке обозначено: «По Тверской, в доме 38, Моссовета нет». Коротко и ясно, «Я на ваш вопрос ответила, сэр».

СПРАВКА

Направлено: _____

Адресат: _____

не взыскано: _____

выбыл: _____

Письмоисодец: _____

Проверил п/т. работник: _____

Подпись письмоисоцев по другим участкам:

— у. _____

— у. _____

— у. _____

— у. _____

— у. _____

— у. _____

Моссовет же помещается не в № 38, а в № 31 — напротив, и от знаменитого отныне 9-го отделения до него шесть домов.

Объявляя об этом своем торжественном награждении, призывает мы всех читателей и почтателей наших писать награжденному поздравительные письма в энергичных выражениях. Поскольку речь идет о почтовом учреждении — писать разрешаю без марки.

Письма адресовать: **МОСКВА, НАЧ. 9-ГО ПОЧТ. ОТДЕЛЕНИЯ.**

На подлинном вилами нацарапано: **«КРОКОДИЛ».**

Дано июня 29 дня 1929 года, в Москве, в собственной редакции.

МАШИНЫ НА СЛУЖБЕ

В АКТИВНОМ городе Мозгве, где живут самые мозгастые люди республики, есть догоняющий заграницу завод. Завод называется Центроэлектр. Он выпускает все для электричества, от изоляторов до мотора.

В этот завод ежедневно частные и эмкаховские тройки привозили станки из Америки и из германского Золингена, и наши советские. Больше всего привозили в трансформаторный цех.

При каждом благополучном прибытии станков забегал мастер и кричал:

— Что дурака валаете и к стенке присталяете, лодыри похабные! Заносите в опись живо: станок волнозагибочный один, револьверный один, хоботковых ножниц двое.

И после этого станки вкатывались в цех... Затем цеховой главарь Шабрин бежал к телефону и звонил в редакцию:

— Прибыли двое золингенских хоботковых ножниц. Один замечательнейший волнозагибочный станок из Вены... Одним словом, все последние технические новости. Двумя словами, когда поместите поднимающуюся рационализацию?

— Завтра, в новостях дня. В субботу гононар.

На другой день в газете появлялась коротышка о станках. А на послезавтра та же коротышка служила уже эпиграфом для стихов известного поэта Александра Вареного «Стальные крылья».

После этой поэтической зажигальницы в Центроэлектр прибыл обыкновенно популярный очеркист Михаил Драчев. Его встречал заводский машинопочтонец, управделами Жмыхин, — человек, могущий горячо говорить о машинах долгими часами. Он всегда сам провозжал бесконечные экскурсии к новым станкам и когда объяснял о станках, то взгляд его становился умиленным, а голосок его прерывался от религиозного индустриального чувства:

— Замечательнейший сверхрекордный станок! Великолепнейшая машина!

Вскоре появлялся в свет громадный очерк под заголовком:

МАШИНА НА СЛУЖБЕ У ЧЕЛОВЕКА

В этом очерке была настоящая молитва машине. Крепкий индустриальный акафист...

А воспеваемые станки в это время лучшая бригада пустила в ход. Они поработали неделю и стали...

— Шестеренки заело?!

— Суппорт не так поставили?!

— Да нет же, нет, просто наше советское машинное масло не годится. Заграничное нужно выписывать! А впрочем, кто их знает...

У станков две недели суешили ремонтчики. И затем цех по-старому перешел на ручные ножницы, на испытанную ножовку, на верное зубило.

Новые станки стояли в спячке, мастера далеко обегали их и убирали с производственных совещаний.

Но журналам не было никакого дела до лентяев-станков. Они попрежнему писали:

СТАЛЬНЫЕ КРЫЛЬЯ!

МЕХАНИЗАЦИЯ ВПЕРЕД!

МАШИНА НА СЛУЖБЕ У ЧЕЛОВЕКА!

Попрежнему к станкам и машинам ходили экскурсии. Управделами Жмыхин подводил экскурсионных паломников к бездельным красавцам-машинам и твердил:

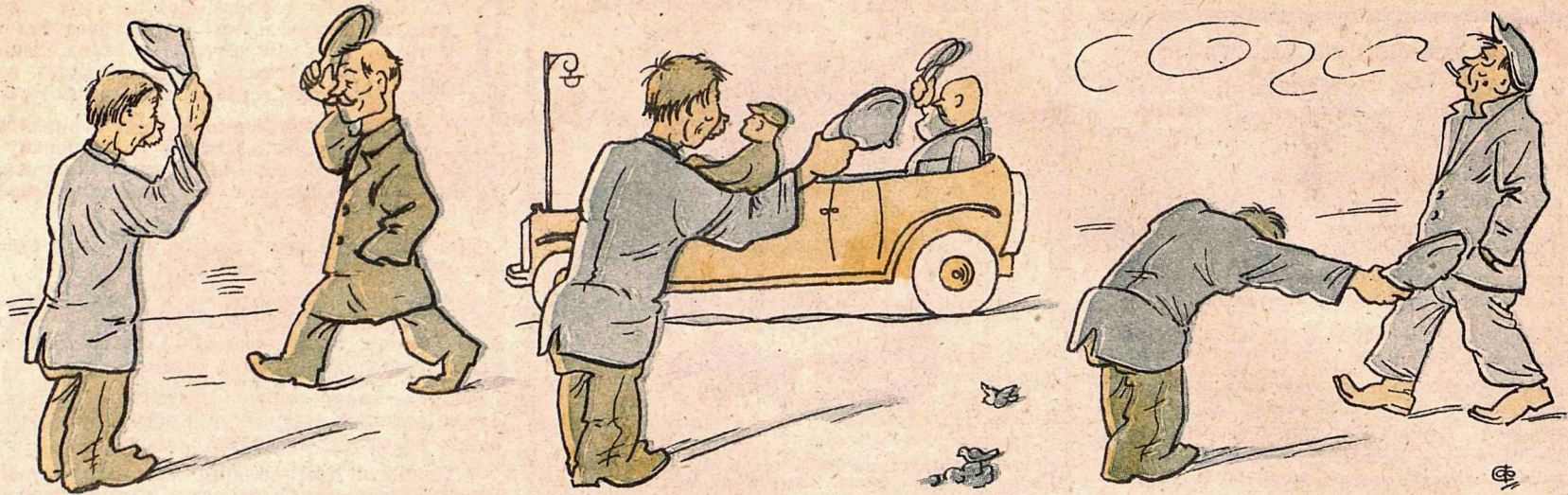
— Здесь вы видите, товарищи, последние технические машины на службе у человека.

Мастер трансформаторного, юркий тов. Плашкин, тихо бубнил, глядя на Жмыхина и на экскурсии:

— Это и видно, что машина на службе у человека. Ведет себя точь-в-точь, как служащий: час работает, а неделю стоит. Нужно, чтобы машина не служила человеку, а работала на человека.

Мастер критиковал сам себя.

Павел Черенков.

ПО СИЛЕ ПОЧЕТ

Поклон мастеру...

Директору...

Местному хулигану...

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕСТРЯДЬ

ВО ИМЯ ИДЕИ

ЗА ГОРОД бы... По землянику, — вздыхает предкультикомиссии центрально-инструментального цеха Златоустовского механического завода, перебирая пыльные папки протоколов.

— Какую такую землянику? — удивляется пред АПО-комиссии. — Что за мелкобуржуазные предрасудки? Вот ежели б массовую прогулочку с бархатным пивцом, — вот это да...

— А по какому-то случаю прогулочку? — оживает культкомиссия, немедленно забыв про землянику.

— Была бы прогулочка, а случай найдется.

— Ты пойми, чорт лысый! — кричал член культкомиссии, тряся за шиворот случайно непьющего участника прогулки. — Мы за что пьем?.. Дуб ты несознательный! За грядущую немецкую революцию пьем!.. А ты не поддерживаешь... Стыдись, браток!.. Ребята! Все сюда! Васька отказывается почтить память наших братьев! Заклеймим его позором! Вольем ему в горло!.. Все, как один, стальными рядами!.. Спите спокойно в сырой земле. Ваше дело в надежных руках!..

Споткнувшись о пень, оратор упал и заснул.

Потом началась самодеятельность. Рабочий Тяжелников долго и упорно дрался на кулачках с чернорабочим, которого он обозвал «татаринном».

Члены партии Грязнов, Куракин, Щеринов, Васильев, Вельбе и Сыромолотов пили тесно спаянным партколлективом.

На рассвете первые лучи ставшего на работу светила обнаружили на лесной полянке весьма неприглядную картину.

Участники агитпрогулки валялись в живописном беспорядке вокруг бочек, опустошенных в честь немецкого пролетариата.

А всего через каких-нибудь шесть часов предкультикомиссии, усиленно натирая виски ментолом, писал отчет о работе культкомиссии.

Голова его, точно налитая свинцом, только мешала привычной руке выводить заученные фразы:

«... А также проведена большая массовая загородная прогулка, с активным участием живой газеты, футболистов и заводских гармонистов. На открытом воздухе состоялась политическая беседа на тему о майских днях в Германии, прошедшая с большим подъемом, при участии самых широких рабочих масс.

Собравшиеся послали пламенный привет немецким пролетариям и отчислили в их пользу весь честный сбор с бюджета...»

Ипа.

ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Домашняя хозяйка: — И вправду бумажный кризис: в кооперативе в бумагу не завертывают, а у частника — одной бумагой завернут.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВЫЧИЩЕННОГО

— Ничего не понимаю! Кабинет у меня был красного дерева, писал я всегда красными чернилами, портфель носил из красного шевро... и все же меня вычистили, как чуждый элемент!..

ВНЕШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

— Скажите, чем занимаются восточные народы?

— Восточными танцами и изнасилованиями, Иван Семенович...

— Откуда у вас такие сведения?..

— А я, Иван Семенович, все картины Востоккино просмотрел.

А. Г.

Рис. Лысогорского (Первомайск)

Ранним утром 19 мая у сборного пункта выстроились в шеренгу корзины с пивом (50 ведер) и две десятиведерных бочки виноградного вина, чего нельзя было сказать о широких рабочих массах. Масса была представлена довольно жидко.

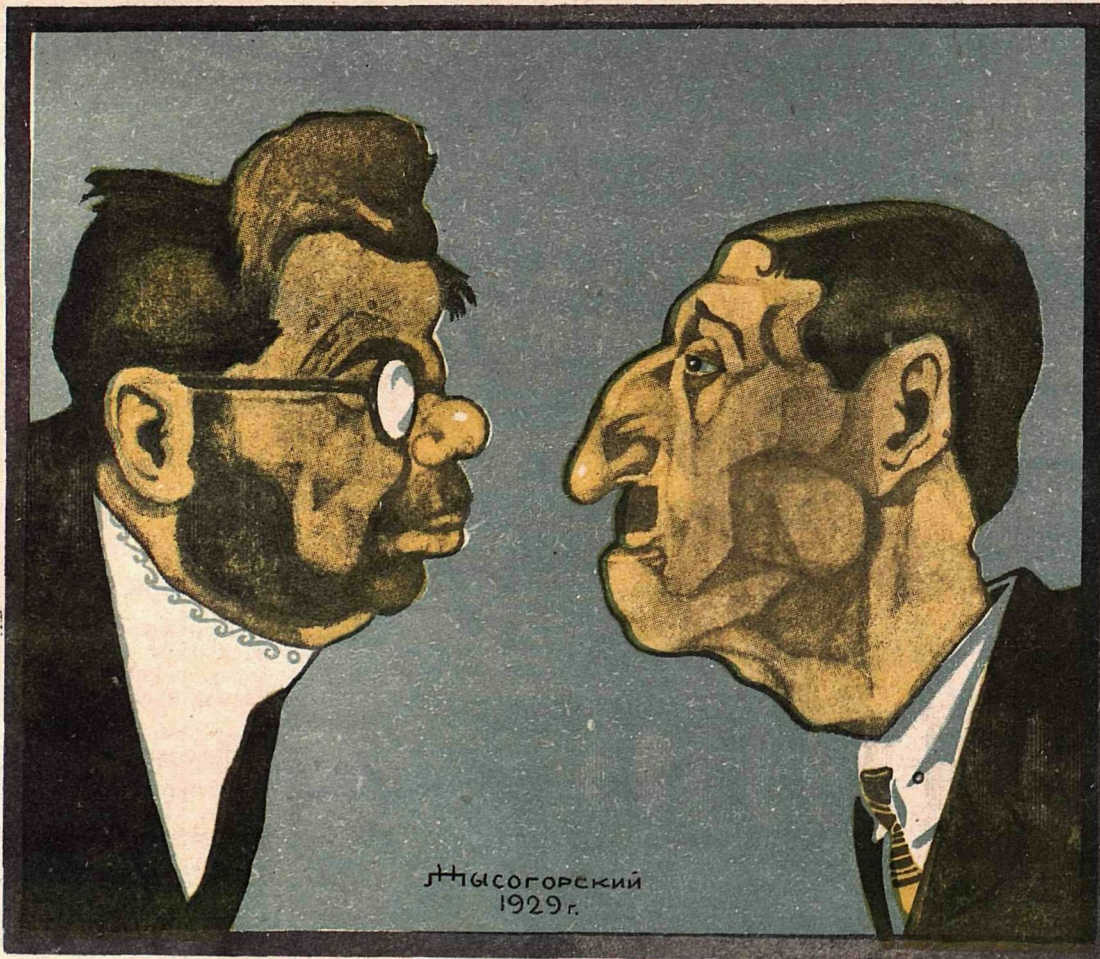
— Даже лучше, что народу мало, — радовалась культкомиссия, — больше пиво на питука выйдет.

Кроме пива и вина, оказались в полном составе и все культурные средства оживления: живая газета, футболисты и гармонисты.

Живогазетчики для вдохновения, еще не сходя с места, пропустили по бутылочке. Газета получилась чересчур живая. Участники пьесы нецензурно рдежно орморгали какие-то слова, перебиваемые громким коллективным иканием.

Футболисты тоже перепились. Проигравшая команда — с горю, выигравшая — на радостях.

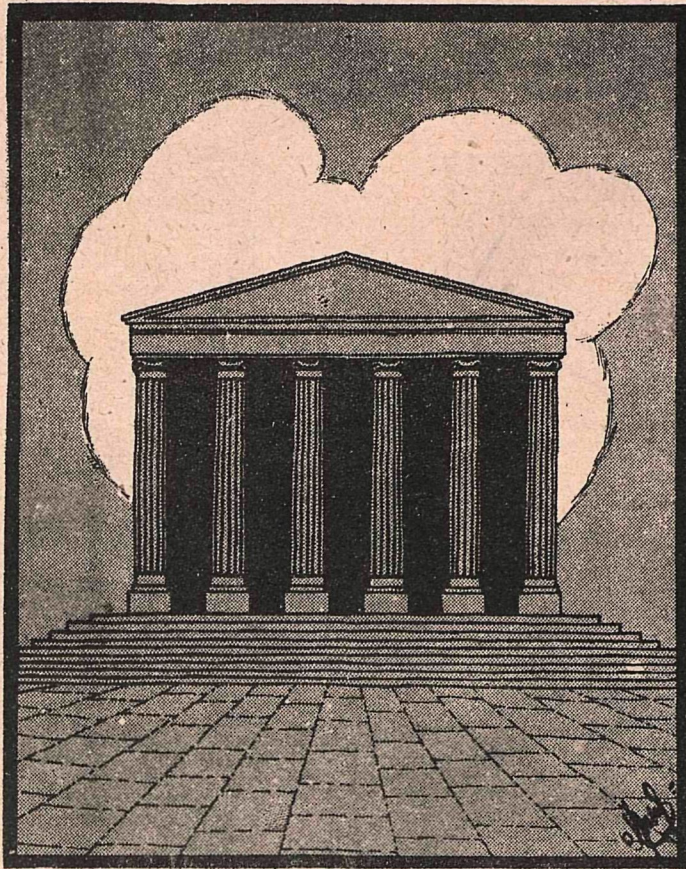
Гармонисты учинили конкурс с воодушевляющими премиями: полбутылки коньяку и бутылка пива. Пили победители... Пили побежденные... Пили зрители... Пили коньяк... Пили пиво.

Лысогорский 1929 г.

СОВСЕМ ДРУГОЕ ДЕЛО

— Где вы работаете?
 — В Текстильсиндикате и Утильбюро.
 — А в Красносулке?
 — Нет, что вы... Там я председатель правления!

В ДРЕВНОСТИ
Эта постройка живет 2.000 лет и давно уже пережила своих строителей.

В НАШЕ ВРЕМЯ
А этот строитель живет только 30 лет, но уже давно пережил все свои постройки.

МОСКОВСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

СВИНЫЕ ДЕЛА

На моск. бойнях скончались ОТ ГОЛОДА НЕСКОЛЬКО СОВСЕМ СВИНЕЙ.
(Из хроник)
Нехватает свинины для колбасы.
(Оттуда же).

Колбаска плоха, —
Сырья нехватало.
Кому МКХ
«Свиной подложило?»

Б.

О ДЕЛАХ КОНФУЗНЫХ В СТЕНАХ ВУЗНЫХ

Студентка Тимир. с-хоз. академии ходит прикладываться к плащанице. Один из выпускников читает псалтырь по покойникам.
(«Изв.»)

Остановившись на этой теме, я сделал вывод безусловный: Место им в академии!.. Но только... в духовной.

Б.

ПРЕМИЯ ЗА ОБМАН

На «Москоже» БРАКОВЩИКИ переведены на ОДЕЛЬЩИНУ: чем больше обуви они примут, тем больше заработают.
(«Пр.»)

Неприятнейшая весть!
Ведь пойдет на нас атака:
«Из москожи будут лезть»,
Чтобы сбить нам больше брака!
Ф. Б.

ОЧИСТИТЕЛЬНОЕ

НА УЛИЦЕ

— Барин, купите цветочки!
— Тише, девочка, тише... Я теперь не барин, а товарищ!

В ТРЕСТЕ

— Вы?! Опять на старом месте?!
— А что же вы думаете, так это легко бюрократом быть? Небось, не каждый согласится!

СЫНОВНЯЯ СКОРЬБЬ

— Чорт вас дернул, мамаша, за графа замуж выйти!.. Он, может, и граф-то сомнительный был, а я теперь отдавайся!

ВИЛЫ В БЛОК

ТОЧНЫЕ ЛЮДИ

Пунктуальность нередко граничит с глупостью.
Славянский курорт дал возможность Макеевскому райкому горнорабочих послать на лечение нескольких рабочих от станка под поручительство союза.

— Ишь чего выдумали! Где ж это мы возьмем им рабочих от станка, когда у нас шахты! И станков никаких нет. Если 6 рабочих от кайла или от вагонетки, ну, тогда другое дело!

— Напишите им ответ, что таких рабочих не имеется!

Однако вмешался неожиданный кандидат — главбух со своим семейством. Райком охотно дал поручительство.

Кстати, поручительство подписано товарищем Пьяновым. Не фамилия ли подвела?

СПОСОБНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Мал Золотухин, да дорог! Особенно для Павловского унка, где он состоял в почетной роли председателя. Чтобы отправить обожаемое начальство на курорт — все уездные учреждения гостеприимно раскрыли свои кассы. Из особого фонда, из унка, из гнка, из страхкасы он нахватал 1.200 рублей, при чем одно учреждение даже и не подозревало о щедротах другого.

Теперь Золотухин перекочевал в Арзамас на должность зав. окрЗУ.

Не о нем ли обычно говорят:
— Одна рука в кассе, другая в Арзамасе!

ДОРОГАЯ КНИЖЕЧКА

Кто бы позаботился о просвещении архангельских транспортников, если бы не издательство ВЦСПС! Послал Архангельский губотдел перевод на 40 рублей и заказ на библиотечку. А издательство выслало на эти деньги одну порывавшую сказочку «Конек-Скакунок».

Ускакали денюжки!

НЕ ПОДКОПАЕШЬСЯ

Опять о курорте! Ничего не подозревай! Такой уж сезон. Еще одна курортная история.

Председатель Хвошевской кооперативной артели, Павловского района, целый год усиленно копил специальный фонд под громким названием «Ремонт здоровья». Когда в фонде набралось 800 рублей, Леонтьев тихо и благополучно перегрузил их в свой карман и укатил в Крым.

Артельщики требуют отчета, но у Леонтьева отчет короткий:

— Ведь деньги-то чьи? Артельные?

— Артельные!

— Ну, а я как раз взял с собой целую артель — жену, детей и свой чинищу... Все в порядке!

НЕОТЛОЖНОЕ ДЕЛО

Озерская милиция, Московской г., — в панике. На нее возложена совершенно новая обязанность — производить врачебные освидетельствования коров. Начальник этой милиции получает такие бумажки:

Нарсуд 1-го участка, Зарайского уезда, предлагает вам освидетельствовать корову гр-на дер. Каблочки, Тимофееву, и справку об освидетельствовании выдать на руки.

— Бросьте, товарищ начмил! Коровы подождет. В первую очередь — освидетельствуйте нарсудью... Тихий он или буйный? Давно ли это с ним стало?

МЕРА ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Проникновенной мудростью дышат обязательные постановления Кизеловского рика. Вот одно из них:

1. Обязать граждан г Кизела при обнаружении заподозренных в бешенстве животных немедленно сообщать городскому ветеринарному участку, а ВЛАДЕЛЬЦЕВ СОБАК ДЕРЖАТЬ ВО ДВОРАХ НА ПРИВЯЗИ И ДОПУСКАТЬ ВЫПУСК ИХ НА УЛИЦУ НЕ ИНАЧЕ, КАК В НАМОРДНИКАХ, ГАРАНТИРУЮЩИХ ОТ УКУСОВ.

Прежде всего, на привязь придется посадить авторов этого постановления. Пусть учатся грамоте.

ПРОКАТНЫЙ ЦЕХ

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Фабком Окуловских фабрик заработал 6.000 рублей на трансляционный узел, а толзу никакого нет.

Весь фабком теперь в конфузе,
Прямо совестно сказать —
Завязать сумели узел,
А попробуй развязать!

ПОЗДНО СПОХВАТИЛИСЬ

На переславской прядильной фабрике «Красное эхо» сорвались перевыборы ФЭК, так как не было проведено никакой подготовки. Теперь для агитации у станков мобилизован весь актив с других фабрик.

Пошел бродить между станками
Весь сбор актива валовой...
Кипит работа языками,
А нужно б... нужно головой!

ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ

Дер. Вороново, Ленинского у., Московск. губ., два года просит своего шефа — ГЭТ электрифицировать район. Артель отсылает на это дело 10 тыс. рублей и дает рабочих. Однако никакого ответа нет.

Над рабочим шефством ГЭТ а
Волокита взяла верх.
Ждать приходится ответа
После дождика в четверг...

ЛИРИЧЕСКОЕ

В Серпухове милиция повесила у камеры церковный колокол и изводит колокольным звоном задержанных граждан.

Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он,
Неясных, тихих дум о том,
Что здесь в милиции — Содом.

Карм. Безденежный.

В ТРЕСТЕ

— Так, значит, чтоб у вас тут бюрократизма больше не было!
— Слушаюсь. А как в остальных отделах?

В ОЖИДАНИИ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ